Иван Напреенко

Семиотический поворот в STS: теория референта Бруно Латура

Данная статья анализирует использование Бруно Латуром концептов структуралисткой семиотики Альгидраса Греймаса в рамках STS-исследования. Автор демонстрирует, что Латур решает задачу установить симметрию отношений между обществом и природой, распространяя семиотические концепты, задуманные как аппарат для анализа организации значения в текстах, на широкую нетекстуальную реальность. Научное знание, т. е. мост между обществом и природой, становится возможным при условии, если оно сумело создать циркулирующий референт.

Ключевые слова: Бруно Латур, Альгидрас Греймас, Парижская семиотическая школа, структуралистская семиотика, исследования науки и технологий, циркулирующий референт, акторно-сетевая теория

Адаптация идей семиотики, т. е. теории знаков и означивания, для нужд социологического исследования не является чем-то исключительным. Обе магистральных линии семиотического проекта, восходящие к Чарльзу Пирсу и Фердинанду де Соссюру, развивались целым рядом исследователей. Бруно Латур в этом отношении не является исключением — широко известно, что с самого начала он обращался к разработкам Парижской семиотической школы (École sémiotique de Paris, ESP). Однако это обращение весьма специфично. Начать с того, что в социологическую теорию Латур входит путем, который не был до 1970-х востребован ни последователями Пирса, ни Соссюра, а именно через исследования науки и технологий (STS). В данной дисциплине на рубеже 1970–80-х произошел так называемый поворот к материальному.

Именно этот момент позволяет интерпретаторам помещать латуровскую концепцию в контекст дискуссий «о соотношении

Напреенко Иван Владиславович — MA in Sociology (МВШСЭН, 2011), переводчик-лингвист (МГЛУ, 2003). Научные интересы: акторно-сетевая теория, социология повседневности, критическая социология.

Эта статья написана по материалам НИР «Онтологические политики и эпистемические интервенции: в поиске новых моделей кросс-дисциплинарного взаимодействия».

материальных и символических порядков» и даже говорить о том, что «редукция символических оснований приводит к завышенной оценке значения материальных объектов как конституэнтов социальной жизни» [Вахштайн 2011, стр. 186-187].

Последнее утверждение представляется спорным; начать с того, что редукции любого рода запрещены Латуром на программном уровне [Latour 1988b]. И более того: как понимать «редукцию символических оснований» в свете того факта, что и сам автор [Latour 1988a], и его критики [Lenoir 1994] говорят о прямо противоположном, а именно о «семиотическом повороте»? Определенности не добавляет и словосочетание «семиотика материальности» (material semiotics) — или «материальная семиотика» (такой перевод нам представляется более точным), — которое было предложено Джоном Ло[1] [Law 2008] и отсылает к акторно-сетевой теории (ANT), а также связанной с ней линией STS. Впрочем, сам Латур, несмотря на то, что является для ANT фигурой тотемной, крайне осторожно, если не сказать, вовсе не использует этот термин применительно к своим выкладкам.

Не менее спорным представляется иное суждение, указывающее, что отправной точкой для ANT служит тезис симметричности материальных и символических порядков [Вахштайн 2005, стр. 99]. При кажущейся несовместимости этих двух оценок за причислением Латура и к сторонникам «завышенной оценки материальных объектов», и к «последователям симметрии» одновременно стоит важное теоретические допущение, а именно — отождествление семиотического и символического, и даже, как мы видим, шире — социального.

Откуда проистекает это отождествление? В обоих случаях мы видим, что Латур противопоставляет способу мышления о предметах материального мира как о смысловых единствах [Вахштайн 2006]. Здесь примечателен не сам факт противопоставления до-латуровского мышления о предметах и мышлении о материальном, присущего ANT и концепциям-сателлитам (эту антитезу нет необходимости оспаривать), сколько, опять-таки, имплицитное смешение семиотики, понимаемой в широком до неопределенности смысле, и неокантианского рассуждения о «мире ценностей», которые *значат*[2]. Именно этот

1 При этом автором выражения следует признать Донну Харауэй, которая первой использовала выражение material-semiotic actor, «материально-семиотический актор» [Haraway 1992].

2 Другое свидетельство этого отождествления семиотического и социального, даже в более радикальном виде, у того же исследователя можно наблюдать, когда он говорит о «о двух независимых друг от друга логиках —

мир ценностей проступает за «незначительными феноменами» вещей, которые, по Георгу Зиммелю, суть экран «символических отношений».

Если понимать семиотику как отношение репрезентации между реальным объектом и знаком, то этот концепт пригоден для применения к вещам, за которыми всегда скрывается что-то более реальное, первичное, суверенное (т. е. социальное). Этот подход можно противопоставить некоторой иной «онтологически дискретной» логике материального. По нашему мнению, такое понимание семиотики опирается на расширенную пирсовскую концепцию знака. Ее существенной особенностью является триадичность: знак образует символ, он же — означающее или репрезентамен, референция, она же — означаемое или интерпретанта, и, что самое важное, референт, т. е. означаемая реальность или объект. Американская семиотика, выросшая из идей Пирса, углубляется в классификацию знаков, которая главным образом исследует тип отношений между символом и референтом. Между ними происходит бесконечное «соскальзывание», отсылка к чему-то другому. Очевидно, это свойство знака «отсылать к...» весьма пригодно в случае, если материальному «требуется опора в мире социальных значений» [Ib., стр. 16].

Мы бы хотели перечеркнуть это равенство между социальным и семиотическим: логика «отсылки к...» и семиотика не тождественны. Не означает это и то, что Латур останавливает соскальзывание и провозглашает симметрию вещей символам или же их приоритет. Его теоретический инструмент — семиотика ESP в узком смысле слова, и в ней, в отличие от концепции Пирса, не предусмотрен механизм проекции внешнего референта на символ (например, общества на вещь). Уровень знака, на котором останавливается Пирс и наследующая ему социология (например, Гофман), для Парижской школы есть лишь исходная точка погружения, предполагающего выход на внутреннюю организацию значения. Исключение внешнего референта из теории знака является для ESP, вслед за Соссюром, центральным постулатом.

В данной статье мы постараемся подойти к прояснению собственно специфики латуровского проекта в ее отношении к семиотическому повороту в рамках STS. Мы исходим из того, что задачу о соотношении материальных и социальных порядков в своем проекте Латур решает, соотносясь с более общим проектом

логике символического, атрибутируемой социальному миру, и логике материального, атрибутируемой миру физическому» [Вахштайн 2005, стр. 99–100]

реляционной онтологии, понимаемой как «социальная онтология, в которой социальный мир понимается как конституируемый в первую очередь отношениями, а не субстанциями» [Boudourides 2009, также см. Астахов 2012]. Или, говоря словами Харэвей, это онтология, в которой «сущности не предшествуют отношениями между ними» [Haraway 2003].

Данный проект предполагает преодоление модернистского проекта, который предполагает наличие пропасти между природой и обществом, что восходит к кантовскому разделению вещей-в-себе и познающих субъектов — разделение, которое в той или иной степени поддерживают все до-латуровские проекты, адаптировавшие идеи семиотики. В таком ракурсе поворот к материальному, т. е. концептуализация агентности вещей оказывается лишь частным следствием этого преодоления. Базовой теоретической механикой для построения реляционной онтологии Латуру служит инструментарий ESP.

Мы планируем продемонстрировать в историко-теоретической перспективе, как Латур первоначально решает задачу установить симметрию отношений между обществом и природой в рамках STS с помощью греймасовской семиотики.

Экзегеза научного текста

Придерживаясь латуровской максимы «следовать за акторами» и выбрав в качестве такого актора семиотические модели ESP, проследим, как в модель французского исследователя встраиваются греймасовские идеи на первоначальном этапе, когда, по нашей гипотезе, Латур обращается к арсеналу Парижской школы для социологизации научных текстов.

Латур знакомится с ESP на рубеже 1960–70-х; он посещал семинары в Школе высших знаний, а также дружил с Альгидрасом Греймасом до самой смерти последнего в 1992 году. Мы полагаем, что семиотика становится логическим пополнением богословской экзегезы[1],

1 Методологической установкой экзегезы является имманентная интерпретация текста, которая исключает внешние объяснения с помощью апелляций к истории, генезису, символическим и мифологическим контекстам, аллегорические трактовки и т. д.: «статус откровения и сакральная значимость толкуемых текстов задают интенцию на автохтонное воспроизведение их смысла как единственно возможный вариант их восприятия и как центральную задачу» [Можейко 1998]. Установка на «автохтонное воспроизведение смысла», т. е. на анализ текста как самодостаточно данного, безусловно, рифмуется с принципами Парижской школы.

освоенной им в университете Дижона: Латур упоминает оба понятия через запятую, зачастую добавляя к перечислению риторику [Latour 1986]. Важную роль в привлечении средств ESP к исследованиям в русле SSK сыграл Паоло Фаббри. Ученик Греймаса и Ролана Барта, преподававший вместе с Эко семиотику в Университете Флоренции в 1960, он продемонстрировал Латуру применимость семиотической оптики к научным текстам. «Я до сих пор помню свой восторг, когда Фаббри взял текст, выданный лабораторной машинерией — сплошные диаграммы и химические формулы, которые описывали открытие нейропептида TRF, того самого, который вскоре прославился, — и высоким голосом с обаятельным итальянским акцентом, стал спокойно производить греймасовский анализ, как если бы он имел дело со сказкой... Я внезапно понял, что нечеловеческие персонажи переживают приключения, которые мы способны проследить, и потому можно расстаться с иллюзией, будто они онтологически отличаются от героев-людей» [Latour 2012, p. 6–7].

Восторженно описанный фрагмент относится к периоду работы над книгой «Лабораторная жизнь: социальное конструирование научных фактов». Ранее Латур опубликовал в соавторстве с Фаббри одну из своих первых статей вообще и первую, где семиотический инструментарий применяется в рамках социологии науки [Fabbri & Latour 1977]. Какие существенные моменты мы в ней можем видеть?

Прежде всего, авторы демонстрируют «семиотическое безразличие», подобное тому безразличию, с которым антропологи берутся за рассмотрение культуры незнакомого племени: текст научной статьи о пресловутом гормоне TRF, тиролиберине, анализируется подобно любому другому тексту. Далее, внимание исследователей не касается сопряжения научного дискурса с реальностью, а сосредоточено исключительно на текстовых документах. Истинность фактов не является предметом заботы антропологов науки (это самоназвание, впрочем, еще не звучит). Их волнуют только модализации — т. е. приемы модификации и переопределения утверждений [Мартин & Рингхэм 2010, стр. 106], в которые ученые облекают свои выкладки. В результате производство научного знания предстает, во-первых, как риторическая борьба за доверие коллег и читателей, и это достижение позиционируется авторами как «инверсия перспективы», которое и следует понимать как помещение научной деятельности в социальное поле. Наука думает, что отправляется в поле, а на деле погружается в рукопашный бой за статусность и признания. Во-вторых, механизм развертывания и понимания научного текста сводится к анафоризации[1], т. е.

1 К этому семиотическому термину Латур больше не вернется.

поддержанию постоянных отсылок к другим текстам. Таким образом, «под научным текстом обнаруживается не природа, а литература инструментов» [Fabbri & Latour 1977, p. 121]. Факты конструируются в виде текстов — и существуют в сети текстов. Таким образом, здесь Латур впервые в зачаточном виде формулирует идею, которую впоследствии разовьет до масштабов онтологии: мир не есть текст, но в рамках научного исследования что-либо сказать о тексте можно только в виде другого текста. С помощью этого аргумента он впоследствии обрушится на социологизм и натурализм.

Те же линии, но в более нюансированном виде продолжает «Лабораторная жизнь», написанная в соавторстве со Стивеном Вулгаром. Научная лаборатория приравнивается к заводу по производству статей, которые не имеют привилегий перед другим текстом. Центральной фигурой становится как бы наивный наблюдатель, который с точки зрения ученых мало что смыслит в наблюдаемых практиках (точно также семиотик может не понимать значимость, но не значение исследуемого материала). Однако ему доступен анализ и классификация модальностей высказываний. Научный факт конструируется как постепенное приближение к «утверждению пятого типа», т. е. дескриптивному утверждению, «констатации факта», и это приближение насыщенно риторикой (т. е. дипломатией, политикой). Так, с одной стороны, с помощью семиотики соблюдается эффект остранения, необходимый для осуществления «антропологии науки», — этнолог не сливается с исследуемым культурным фоном, с другой стороны, обеспечивается «социологизация» аргумента: семиотика помогает продемонстрировать конструкторский характер научной практики. При этом акцентируется, что научная практика есть производство нарратива, сочинение истории по определенным законам, а вовсе не описание «как все на самом деле». «*Все* тексты суть истории» [Latour & Woolgar 1986, p. 284]. Однако у научных текстов есть особенность: они произведены коллективом авторов: «голос природы» фиксируют записывающие устройства (чьи материальные характеристики сказываются на точности), их записи переводятся в формы научных данных, которые интерпретируют ученые. Конечно, уровень человеческой агентности высок — люди дирижируют процессом, но уже видно, что они в этом писательском коллективе не одиноки. Более того — аппараты строптивы, а голос природы становится различим лишь в результате многократных повторений. Но и вне этих повторений он, вполне в духе социологии научного знания (SSK) образца сильной программы Дэвида Блура, не существует.

Работая над «Лабораторной жизнью», Латур благодаря Вулгару знакомится с этнометодологией. С семиотикой данный метод роднит понимание феноменов как индексичных. Научные

практики подобны повседневной речи и поступкам, и от того неотменимо ситуативны, понимаемы только в контексте: «они заключаются в организации демонстрируемого смысла, или фактичности, или методичного употребления, или соглашения между „коллегами по культуре“ [Гарфинкель 2003, стр. 9]. Семиотика точно также не различает тексты по типам и рассматривает каждый из них как нечто самостоятельное, наличное здесь и сейчас. Но что особенно важно — это индифферентность к объяснениям действий, которые дают «члены производящей когорты»: схожим образом семиотика остается глухой к «интенциям автора», в том числе, в тех случаях, когда он утверждает, что излагает «только объективные факты». Заметим, что вопреки процитированному выше фрагменту о Фаббри, читающем текст о TRF, греймасовский анализ, приравнивающий человеческих и нечеловеческих персонажей, в текст книги не вошел: таким образом, представляется опрометчивым утверждать, что на момент создания «Лабораторной жизни» Латур оперировал семиотикой в качестве развернутой модели различий, а не средством антропологического остранения.

В эти же годы Латур знакомится с еще одним исследователем, который определил его подход к семиотическому препарированию научных документов. Речь идет о Франсуазе Бастид, которая, как и Фаббри, зарекомендовала себя как семиотик широкого круга научных интересов[1]. В соавторстве с ней в 1983 году появляется статья «Эссе о фабрикации», где также сопоставляются художественный и научный текст. Она представляет особый интерес тем, что здесь получает развитие и увязку с семиотикой фигура записывающих устройств, впервые появляющихся в «Лабораторной жизни». Авторов вновь заботит, каким образом рождается научный факт. Факт, все еще в духе SSK, предстает как сконструированная вручную цепь следов-репрезентаций, где приоритет играет человеческая агентность. Цепь, полученная в результате эмпирики, а не теоретизирования, связывает на одном конце умирающих от жажды хомяков (анализируемый документ посвящен функции почек у млекопитающих), на другом — несколько абзацев текста. Таким образом, за научной статьей стоят кропотливо скованные звенья значения, конечную убедительность которых гарантируют вовсе не ссылки на реальность, как может показаться, а на различные типы интертекстуальных конструкций,

1 Латур говорит: «Я воспринял Греймаса как онтолога. Мы с ним это обсуждали. [Я спросил у Греймаса,] „Почему вы ограничиваете себя литературой?“. И он ответил: «Не ограничиваю! Доказательство — Франсуаза Бастид, которая изучает научные тексты» [Smith 2009].

обладающих свойствами очевидности — таблицы, диаграммы и т. д. Что будет показано в качестве доказательства сомневающимся? «Только следы записывающих устройств» [Bastide & Latour 1983, p. 98]. Доказать — значит показать, но показан будет не мир, а его след — знак. Получается, с одной стороны, «текст статьи не говорит ничего, чего бы он не показывал» [Ib., p. 91]. С другой стороны, «он не показывает ничего, что не опирается, как утверждается, на данные, и все-таки он ничего не показывает». Переформулируем: отличие научного текста от текста художественного заключается только в точности анафор, опровергнуть которые способен только специалист. Каждое утверждение содержит в себе предыдущее и предполагает его как свое условие — подобно тому, как в семиотике свершение (performance) актанта[1] предполагает компетенцию (competence). Мы остановимся на этом позднее.

Гораздо шире ресурсы ESP используются в книге 1984 года «Микробы: война и мир, а также Ирредукции»[2]. Это объясняется радикализацией исследовательских амбиций: если текст «пишется» коллективом весьма строптивых авторов, жесткое разделение общества и природы (первое открывает последнее) — фикция. Чтобы перестать ей следовать, нужно снять кавычки со слова «пишется» (для этого и вводится актантная модель) и анализировать отношения сил, чье взаимодействие и образует лишь искусственно разделенные сферы политики и науки. Отменить разделение — означает его не распознать, не различить искусственно разграниченные сущности, т. е. применить агностицизм как следствие антропологической установки. Ни наука, ни общества не могут служить универсальным объяснительным ресурсом: «объяснить — не означает ограничить анализ „влияниями“ оказываемыми «на» Пастера или «социальными условиями», которые «ускорили» или «замедлили» его успех» [Latour 1988b, p. 9]. Нельзя опереться и на «фольклор племени» ученых, т. е. апеллировать к реальности, научной революции, эффективности и т. п.

Где закрепиться между Сциллой общества и Харибдой природы (латуровская метафора), каждая из которых претендует на то, чтобы все собой объяснить? Это можно сделать на плацдарме языка —

1 Термин Греймас, восходящий к интуиции Люсьена Теньера, согласно которой синтаксическую структуру предложения можно транспонировать на «сюжет» текста: «Простое предложение — это театральный спектакль, где подлежащее, т. е. субъект, выступает в качестве деятеля, а сказуемое, т. е. предикат, выражает претерпевание данного действия» [Греймас 2000, стр. 154].

2 Английский расширенный перевод «Пастеризация Франции» опубликован в 1988 году; мы опираемся на этот вариант.

и это с необходимостью предполагает обращение к документам эпохи, в которых отразились интересы, стремления, желания, переговоры, военные хитрости пресловутых смешанных сил. Говоря семиотически, актантов (зафиксируем, это уже не просто семиотика для социологизации и остранения, это выход на новый рубеж).

«Вообразите себе все болезни, которые напустили на человечество эти парящие частицы в исторические и доисторические времена... Их разрушительное воздействие продолжается и сегодня, как продолжалось столетия напролет, когда страдающий мир не имел ни малейшего подозрения о его причине. Нас стегали невидимые хлысты, мы попадали в засады, и лишь сегодня свет науки выхватывает этих чудовищных притеснителей», — цитирует Латур статью физика Джона Тиндаля от 1877 года [Ib, p. 12]. Для семиотического взгляда актанты-акторы в приведенном фрагменте лежат на поверхности: «Люди они или не-человеки? Не-человеки. Чего они хотят? Зла. Что они делают? Сидят в засаде. С каких пор? С начала времен. Что произошло? Событие: их обнаружили. Что их обнаружило? Наука, другой актор[1], которой должен быть зафиксирован и определен через свои свершения» [Ib.]

В нарративной схеме ESP термин «свершение» обозначает действие, поступок, условием которого служит компетенция, т. е. навык, способность, желание или необходимость к действию. Греймас связывает оба понятия посредством концепта нарративной программы (ПН), которую следует понимать как «изменение состояния, осуществленное некоторым субъектом S1 и затрагивающее некоторый субъект S2. [...] ПН., называемая исполнением (performance) [или «свершением»[2]], предполагает в качестве пресуппозиции другую ПН, а именно — ПН компетенции (субъект «делать-быть» должен быть предварительно наделен модальностью, например, как субъект желания-делания или долженствования-делания)» [Греймас и Курте 1983, стр. 516–517].

Нарративная схема позволяет отнестись к акторам без социологистского или реалистического предубеждения («это продукт социальных отношений эпохи» vs «это революционное открытие природного факта»), но приписать им определенные

1 Латур еще не вполне различает акторов как стабилизированные сущности и актантов как неопределенных носителей активности; нельзя утверждать, что в ANT это терминологическое разделение соблюдается со всей строгостью. Мы полагаем, причина, в частности, в том, что актор — относительно хрупкая единица, и всегда может вернуться в состояние актанта.

2 Мы придерживаемся варианта перевода «свершение» и используем его в тексте сквозным образом.

функции. ESP сократила весьма широкий репертуар Владимира Проппа до набора шести парных актантных ролей: субъект/объект, помощник/оппонент, отправитель/получатель. Так, Латур демонстририрует, что гигиена в пастеровскую эпоху является отправителем, чья нарративная функция заключается в том, что он провоцирует действие, заставляет кого-то действовать. Ссылаясь на актанта-гигиену, другие акторы пишут статьи, ведут исследования, агитируют, спорят и т. п., иными словами, ведут себя как субъекты, которым дал задание отправитель (отправивший на поиски некоторого объекта).

Здесь мы можем сказать: что вообще означает странная фраза — «гигиена является отправителем?» В каком смысле она кого-то отправляет? В сугубо семиотическом, опирающемся на анализ текста, вне которого ничего нет. Однако на некотором не вполне артикулированном уровне, по масштабу выводов о природе реальности, очевидно, что Латур подходит к проблематизации грани между буквальным и метафорическим, текстом и миром. Семиотика, в ортодоксальном понимании, эту грань стереть не способна.

Поиск субъекта объектом, который описывает так называемая каноническая нарративная схема ESP, предполагает различные типы испытаний (trials/epreuves): квалифицирующее, решающее, прославляющее. Любое испытание есть свершение, демонстрация способностей. Подобно тому, как читатель ничего не знает о персонаже, пока он себя не проявит в тексте, актант не известен до своего действия. При этом различные актанты действуют друг на друга и провоцируют ответные действия, тем самым выполняют то, что Латур называет «семиотической работой интердефиниций»: они определяют и переопределяют друг друга. Это уже не просто конструктивизм фактов людьми, это совместная работа неопределенных сущностей по взаимному оформлению.

Артикуляцию этой семиотической закономерности — актанты действуют/подвергаются действиям[1] и демонстрируют свою сущность — Латур производит в «Ирредукциях» — второй, философской части книги. Предзаданного до испытаний актанта не существует: «мы не должны верить заранее, что мы знаем, говорим ли мы о субъектах или объектах, людях или богах, животных, атомах или текстах [...], поскольку это именно то, что поставлено на карту между силами: кто говорит и о чем?» [Latour 1988b, p. 167]. Когда случатся испытания, сущности сами себя опишут.

1 Греймас «нарративно прагматичен»: высказывание — это тоже действие.

Ирредукционизм — оборотная сторона антропологического агностицизма и «благодатной этнографической неуверенности» [Ib., p. 257]: ни одну сущность нельзя приравнять к другой, вывести или объяснить через другую. Когда же испытание сил случилось, может оказаться, что актант оказался «реваншем за проигрыш в франко-прусской войне» или «холерным вибрионом».

Определение научного факта через «испытания сил» — устоявшаяся традиция в STS и эпистемологии научного знания: «в описании главного свойства объектов науки — противостоять силе, испытывающей их» — Латур опирается на концепцию Widerstandaviso. Этот термин Людвика Флека означает сигнал о сопротивлении, о твердой опоре, на которую можно опереться во время исследования, «подобно тому, как рука альпиниста ищет скалу под слоями снега» [Волков & Хархордин 2008, стр. 253]. Однако Латур играет на созвучии двух терминов: его испытания, инвестированные канонической нарративной схемой, несут в себе элементы неопределенности и в то же время активности: актанта проявляют, и он как бы сам проявляется (демонстрирует, на что способен, будучи подвергнутым «пыточному» инструментарию ученого). Впрочем, говорить «как бы», с латуровской точки зрения, неуместно — эта активность буквальна.

Плацдарм между социологизмом и натурализмом, ESP также предлагает альтернативу контекстуальным объяснениям историков и социологов науки. С одной стороны, все три дисциплины опираются на текст. С другой, история и социология науки привлекают дополнительные документы для того, чтобы консолидировать доказательный фронт — создать контекст, объясняющий содержание исследуемого объекта. Семиотика в этом отношении полярна: подразумевая самостоятельность каждого текста, что не противоречит наличию перекрестных ссылок, она производит не конвергенцию смыслов, но дивергенцию. Иными словами, историки и социологи контекстом создают мета-уровень, позволяющий объяснять частные действия людей. ESP же вновь предстает аналогом этнометодологии, довольствующейся принципом in situ. При этом привлечение дополнительных текстов позволяет актантной модели создавать куда более длинные списки «действующих лиц», не цензурируя их по наличию сознания, желаний, стратегий и прочих критериев отбора, которые практикуются историками и социологами. Чем длиннее список, тем полнее, по Латуру, схвачена ситуация.

К тому же переломному периоду середины 1980-х относится статья «Некоторые элементы социологии перевода», написанная Мишелем Каллоном, который сыграл важную роль в смещении исследовательского фокуса Латура в сторону технологий.

Ирредукционизм, агностицизм и разрыв с SSK усугубляется генерализацией блуровского принципа симметрии. Суть этого «не-дискриминирующего» подхода «напоминает принцип симметрии Блура, только значительно расширен. Задача заключается не только в том, чтобы объяснять конфликтующие точки зрения и аргументы в научной и технологической полемике в одних терминах. Мы знаем, что в полемике смешиваются различные утверждения об Обществе и Природе. Поэтому мы требуем от наблюдателя использовать один и тот же лексикон [repertoire] при их описании [...] Мы знаем, что наш нарратив не более и не менее валиден, чем любой другой. Но, принимая во внимание принцип генеральной симметрии, правило [...] заключается в том, чтобы не менять регистр, когда мы переходим от технического к социальному аспекту изучаемой проблемы» [Callon 1986, p. 200]. Латур берет принцип генерализованной симметрии на вооружение в полном объеме.

Таким образом, провозглашается необходимость описывать включенные в ситуацию объекты и субъекты — актанты — в одних и тех же терминах[1], причем используемый «лексикон» должны предложить сами актанты. Речь, подчеркнем, именно об описании, а не объяснении: актанты сами объясняют все за себя. Выйти же на мета-уровень означает впасть в социологизм (натурализм), предполагающий сверхдетерминацию актантов. Исследователь должен просто фиксировать «речь» персонажей подобно семиотику, наблюдающему развертывающийся нарратив: «Наблюдатель должен быть не только бесстрастным по отношению к научным и технологическим аргументам, которыми пользуются протагонисты полемики, но и воздерживаться от того, чтобы цензурировать акторов, когда они говорят о себе или социальном окружении» [Ib., p. 199].

Но что означает описывать лексикон актантов? Здесь уместно вспомнить, что Греймас развивает идеи Луи Ельмслева, который, «постулируя для каждого из двух планов языка — выражения и содержания — различие между формой и субстанцией, [...] уточнил сущность значения, определив его как соединение формы выражения и формы содержания» [Греймас & Курте 1983, стр. 494]. Таким образом, язык делится на планы означающего и означаемого, которым соответствуют понятия выражения (фонологическая система) и содержания (когнитивные составляющие). Каждому плану соответствует пара формы и субстанции. Синтез значений

1 По выражению Грэма Хармана, описывать отношения между людьми так же, как отношения между гравием и гудроном.

происходит, когда неопределенная субстанция содержания «отливается» в конкретную форму содержания и совмещается с формой выражения, которую приняла столь же неопределенная и аморфная субстанция выражения.

Поясним на примере. Фразу «Бруно Латур родился 1 августа 1930 года», с фонетической точки зрения, можно произнести по-разному, модифицируя субстанцию выражения — на распев, шепотом, с итальянским акцентом. Тем не менее, чтобы оставаться понятной для адресата, она должна соответствовать принятому синтаксису и не выходить за рамки звуковой различимости. Иными словами, она должна сохранять соответствие форме выражения. С точки зрения субстанции содержания, эта же фраза может функционировать в различных контекстах, например, в качестве истинного или ложного тезиса[1], представать как высказывание историографическое, полемическое, поэтическое, юмористическое и т. д. В любом случае, субстанция содержания лежит вне компетенции семиотики (в пирсовской семиотике, где отношение знака с реальным объектом является предметом рефлексии, это не так). Однако ESP способна говорить о значении потому, что форма содержания организована как система отношений, которую описывают модели семиотики [Hostaker 2005, p. 9]. И это та же самая причина, по которой они могут анализировать значение, не ссылаясь, как мы выше указали, на внешний референт, на реальность; так гарантируется суверенность семиотики как научной дисциплины; Латур же использует эту особенность, чтобы отстроиться от реалистической эпистемологии.

Отсюда можно вывести некоторые импликации по отношению к латуровской концепции. Лексикон акторов — это субстанция содержания, истинность, ложность или любая иная значимость остается их прерогативой. Но значение, конструируемое и переопределяемое в процессе взаимодействий акторов, организовано определенным образом и потому доступно наблюдению и концептуализации. Для этой цели необходимо использовать «пустой» инфра-язык, по латуровскому выражению. Его задача — описать систему отношений, формальные реляции (отсюда — релятивистская, или реляционная социология) между действующими инстанциями[2].

---

1 На самом деле Латур родился 22 июня 1947 года.

2 Здесь неизбежно возникает вопрос: является ли этот язык формальных реляций сугубо методологической наработкой или же он отражает некую онтологическую действительность? Его решение мы оставляем за пределами данной статьи.

Резюмируя, средства ESP, которые в первые годы использовались лишь для остранения документов «племени ученых» и вскрытия в них риторической борьбы, позволяют концептуализировать агентность гетерогенных субъектов/объектов, предложить альтернативное описание общества, образованного смешением комплексных актантов, не впадая ни в социологизм, ни в натурализм. Однако Латур нуждается в переосмыслении статуса самого языка: при всей «реципрокно-конструктивистской» [Вахштайн 2005] установке, практическую значимость научной деятельности невозможно объяснить дискурсивной фабрикацией, если текст остается текстом, пускай и созданным коллективом авторов с применением особо тщательных анафор.

Следующая книга «Наука в действии» [Латур 2013], которая вышла сразу на английском языке в 1987 году (французский перевод появился два года спустя), не вполне проясняет эту проблему. Зато доводит до предела картину науки как риторического соревнования; в этой книге семиотический инструментарий не развивается, но суммируются вышеизложенные выкладки. Конкуренция научных концепций описывается в маккиавелистских терминах борьбы сетей гетерогенных объектов; выигрывает тот, кто создал более длинную сеть и завербовал более сильных союзников. Однако все еще нуждается в прояснении вопрос референции, а именно, отношений между знаком (репрезентацией) и вещами мира. Реалистический путь, предполагающий наличие внешнего референта, для Латура закрыт, поскольку он предполагает удерживание модернистского разрыва между природой и культурой. Сведение же всего к эффекту дискурса ведет в пост-модернистский тупик. Иными словами, принципы ESP, взятые в ортодоксальном ключе, не пригодны: «семиотика остается неадекватной потому что она настаивает на рассмотрении только текстов или символов, вместо того, чтобы работать, в том числе, и с „вещами-в-себе“ [Latour 1988b, p. 183].

Греймас пишет: «Или мы довольствуемся индикациями текстов и говорим «вне текста нет спасения», или мы возвращаем психологию, психоанализ, историю, социологию, и у нас нет больше семиотики: есть большой ум, гений, но нет когерентного анализа» [Greimas 1985, p. 361]. Возможный выход из этого затруднения предлагает дерридианская максима «все есть текст». Латур говорит: да, все есть текст, но одновременно этот текст может путем некоторых операций, трансляций, переводов, переходить в вещь. Задача в том, каковы правила этих трансляций, позволяющие связать символ и предмет: «те, кто желают отделить „символическую“ рыбу от «реальной» должны быть сами отделены и заключены» [Latour 1988b, p. 188].

Таким образом, мы можем наблюдать, что в середине 1980-х происходит то, что Андрей Кузнецов называет «историей одного предательства» [Кузнецов 2013]: Латур отворачивается от социального конструктивизма в сторону социологии перевода. Верность семиотической модели сохраняется, но примерно в этот же момент она подвергается развитию и доработке. Стартовав как инструмент, который антропологи науки применяют для демонстрации социальной сконструированности научных фактов, в ней кристаллизуется центральная для латуровского проекта теория референции, доведенная в итоге до идеи множественности режимов бытия [Latour 2013].

От слов к вещам и обратно

Вопрос, с которым сталкивается Латур, может быть сформулирован следующим образом: каковы условия объективности научного текста, если мы отвергаем корреспондентскую теорию истины и не готовы согласиться с тем, что истина есть сугубо текстуальный эффект (по ортодоксальной греймасовской семиотике) или результат общественного соглашения (SSK)?

К этой проблеме Латур со всей определенностью подходит в статье «Релятивистское объяснение относительности Эйнштейна» [Latour 1988a], где производится семиотический анализ научно-популярной книги физика.

Латур описывает центральную интригу текста — отношения между наблюдателями, а также автором, с помощью семиотических приемов переключения/включения. Понятие переключения (shift out, débrayage) отсылает к акту отторжения высказывания от его источника. В момент, когда мы начинаем говорить, мы перемещаемся в новый ряд акторных и /или пространственных и /или временных координат, выстроенных нашим дискурсом. [Мартин & Рингхэм 2010, стр. 130]

Включение (shift in, embrayage) — процедура обратная переключению, которая предполагает, что эта операция смены координат приостанавливается, но не отменяется. В результате в дискурс «возвращается» говорящий, возникает эффект присутствия [Ib., стр. 51]: чередование переключения и включения в нарративах генерирует эффект реалистичности, т. е. внешний референт. Его закрепляют семиотические приемы фигуративизации и иконизации, т. е. наполнение нарратива элементами, которые отсылают к физическим чувствам или воспроизводят черты реально существующих пространств (например, во фразе «Однажды весною, в час небывало жаркого заката, в Москве, на Патриарших

прудах, появились два гражданина» Патриаршие пруды являются иконизацией, а жаркий закат — фигуративизацией).

Как подчеркивает Греймас, с семиотической точки зрения это не более, чем дискурсивный эффект: «два ряда референций, с помощью которых человек пытается вырваться из замкнутого мира языка, связать его с чем-то другим, внешним, — референция к субъекту (в момент протекания высказывания) и референция к объекту (к миру, который окружает человека, в качестве внешнего референта) — приводят, в конце концов, лишь к иллюзиям: иллюзии референтности и иллюзии акта высказывания» [Греймас & Курте 1983, стр. 487]. Еще раз: внешний референт (external referent) не есть конкретный объект в реальном мире, к которому отсылает текст, — это кажимость, «средство, с помощью которого мы осмысляем мир» [Мартин & Грэхам 2010, p. 165].

Еще одна критически важная инстанция — отправитель высказывания (enunciator), субъект, который инициирует речевой акт. Проще говоря, подразумеваемый автор во плоти. Он отличается от рассказчика-нарратора, который есть сконструированный образ, актант, которому отправитель высказывания делегировал посредством переключения свой голос. Любое «я» в нарративе — симулякр, эффект нарративного присутствия. Точно таким же симулякром является и получатель высказывания (enunciatee), адресат нарратива, которому отправитель высказывания делегировал функции публики, т. е. инстанции, которая получает высказывание [Мартин & Рингхэм, стр. 187].

В научном тексте функционирует вся означенная машинерия: ученый-отправитель производит в статье нарратора («мы»), конструирует аудиторию («коллеги»), генерирует актантов, как, например, Эйнштейн, когда его рассказчик-нарратор переключает внимание получателя на человека с часами, который стоит на платформе. Следующее переключение — от человека на платформе — к человеку в поезде. Обратное скольжение-включение к отправителю высказывания столь же последовательно, и создает то, что Греймас называет «внутренним референтом» (internal referent). Если это скольжение происходит достаточно «плавно», внутренний референт производит иллюзию референта внешнего.

Что же отличает научный текст от художественного? Прежде всего то, что автор дает понять, что у него есть «доказательства» в виде следов записывающих устройств (так это понятие, введенное еще в «Лабораторной жизни» получает развернутую увязку с теорией референции ESP) — диаграмм, таблиц, т. п. Следы-инскрипции образуют, по Латуру, «гарантированный референт» (underwritten referent), с которым можно сопоставить данные в статье. Т. е.

мы не можем — не предполагаем, что, придя в гости к писателю Булгакову, обнаружим признаки того, что он и в правду видел на Патриарших прудах на закате тех самых двоих — скажем, соответствующую фотографию. Однако в случае с ученым, например, астрономом мы держим в уме, что имеется (хотя бы гипотетическая) возможность прийти в его лабораторию и увидеть на экранах приборов свидетельства, о которых читаем в тексте. Например, изображение на экране радиотелескопа (но не саму звезду!).

Вырисовывается специфичная картина: модернистский разрыв между репрезентацией и вещью заполняется путем удвоения референта, один из которых — гарантированный — «гарантированно» представляет реальность. Не сталкиваемся ли мы с вариантом парадокса Ахиллеса и черепахи: мы приблизились к реальности на максимально короткое расстояние, но она все равно ускользает? Вопрос, по Латуру, лишен смысла потому, что в семиотике не существует референта, взятого вне последовательности включений и переключений. Реальность «как таковая» — неподвижна и недоступна, она становится познаваемой в результате серии эмпирически сконструированных переносов значения, которое должно быть передано без деформации содержания (но с трансформацией формы). Подобно тому, как значение текста может быть понято только по прочтению его целиком, так и объективность научного суждения должна рассматриваться с учетом всей цепи. Можно сказать, Латур онтологизирует греймасовскую модель референции, распространяя ее за пределы рассуждения о текстовой действительности. Как результат: реальность вне средств ее мобилизации — иллюзорна.

Раскроем тезис о значении, как о том, что следует понимать лишь как «взятое целиком». Как следует из вышесказанного, ESP применяет особую форму epoché — любая остенсивная отсылка к миру запрещается. Что позволяется, так это конструировать внутренний референт и помещать читателя в поле дискурса, который рассматривается как замкнутый «возможный мир». Все высказывания толкуются «изнутри». Какие последствия это имеет для истинности высказываний? Дискурс создает иллюзии, отсылающие к миру, сама же истина имманентна тексту — по Греймасу — это форма договоренности между отправителем и получателем высказывания. Истинность как adaequatio rei et intellectus семиотикой не рассматривается.

Каким же образом определяется в ESP в таком случае истинность? Как результат веридикции, «говорения истины», который разворачивается на нарративном уровне. Что существенно, веридикция — процесс, который пронизывает синтагматический

уровень конкретного нарратива от начала до конца. Именно поэтому судить об истинности текста нельзя, не прочитав его до конца. Процесс вовлекает в себя игру существования (l'être, имманентное) и кажимости (le paraître, манифестированное): фигуры, казавшиеся в начале одним, предстают чем-то совершенно иным; герои заблуждаются, раскрывают тайны, обманывают и обманываются, находят правду и т. п. [Greimas 1989].

Со схемой Латура веридикция перекликается в том смысле, что научная объективность высказывания не имеет смысла, если она берется вне нарратива, понятого как целое, т. е. вне всей цепи перевода. Однако при этом Латур в конечном счете резервирует в качестве последнего аргумента ученого отмену epoché. У исследователей имеется возможность остенсивно указать на природу: вот следы наших записывающих устройств, наш гарантированный референт, а вот вещи — сравните, сходство очевидно.

Описанную механику Латур разовьет через 10 с лишним лет в книге «Надежда Пандоры», выпущенную с подзаголовком «Эссе о реальности исследований науки». Триада референтов — гарантированного, внешнего и внутреннего — суммируется в понятии циркулирующей референции (circulating reference). В качестве иллюстрации Латур обращается к кейсу экспедиции, изучающей амазонские леса. Научное описание отличается от художественного систематичностью, в которой из хаоса недифференцированной природы производится порядок. Спутники Латура делят изучаемую территорию на участки, нумеруют их, затем на каждом участке собирают образцы почвы и листвы деревьев. Образцы, в свою очередь, пронумерованы и уложены в ящик-педокомпаратор. По существу, такой ящик является схематичной и масштабированной копией определенного участка земли, который репрезентирует изучаемый объект со зримым сходством. Его очевидность и является гарантом: этот референт, выражаясь семиотически, наделен иконичностью, т. е. непосредственно похож на действительность. Кроме того, гарантией служит его «мобильная неизменность»: он сохраняет самотождественность после перевозки во Францию, благодаря чему на него можно ссылаться в производстве диаграмм, таблиц, текстов. Происходит выстраивание цепи гетерогенных представителей: конкретный участок почвы представлен педокомпаратором, педокомпоратор — отчетом, отчет — выступлением ученого на конференции и т. д. Тщательно отлаживая цепь перевода информации, исследователи конструируют внутренний референт. Чтобы подчеркнуть его подвижный, распределенный характер, Латур предпочитает говорить о циркулирующем референте,

который оперируется включениями и переключениями [Latour 1999a, p. 24–79].

Обыгрывается слово «значение», meaning: Латур акцентирует оттенки смысла английского корня mean, связанные с идеей передвижения и средства/опосредования. Значение — это то, что движется в референциальной цепи, сохраняя самотождественность субстанции содержания, но меняя форму выражения. Это — «изменчивая мобильность», другое название объективной научной истины.

Означает ли эта громоздкая, хрупкая, подверженная изменениям конструкция, что наука не объективна? Скорее то, что для Латура объективность вне внутреннего референта невозможна. Он — условие научной истинности, т. е. правдивой речи от имени природы. Наука оказывается встроенный в язык особым образом: «последствия этого взгляда [что существует только внутренний референт и сеть его переводов] заключаются в том, что не существует познаваемой реальности, которая является не-лингвистической реальностью. Это не означает, что все есть язык, но скорее то, что наука стала имманентной языку. Не существует места, где бы реальность могла бы спрятаться за пределами языка; этот взгляд представляет собой опровержение реалистической эпистемологии» [Horstaker 2005, p. 14].

Скорректируем тезис Хорстакера: Латур делает акцент не на том, что наука — это тоже (только лишь!) текст, а на том, что этот текст сконструирован по определенным правилам, в числе которых — строгая анафоричность, наличие гарантированного референта, принцип «найдена ошибка — вернись в поле» и т. д.

Если описать семиотически реалистическую точку зрения, то мир представляет собой неразмеченное «поле экспериментов», содержание которого не зависит от человеческого знания. Факты предшествуют утверждениям, и ученые их открывают. Факты — суть внешний референт, который потенциально познаваем, а его познание актуализирует эту потенцию. Т. е. познаваемость, с семиотической точки зрения, есть компетенция, ученые выполняют нарративную функцию помощников, которые помогают свершению — ликвидировать нехватку объекта «состояние познанности» [Ib.]. Истинные герои — факты. Семиотическое описание точки зрения SSK гипетрофировало бы активность исследователей в извлечении факта из пассивной материи: ученые бы реализовали свою компетенцию в свершении открытия. Герои — люди.

Латур переворачивает реалистическую схему, но в то же время занимает среднюю позицию: герои — и люди, и факты. В «Надежде Пандоры» соответствующая глава представляет собой доработанную

статью «Пастер о молочнокислых бактериях: частичный семиотический анализ» [Latour 1993]. Основатель микробиологии наблюдает в микроскоп неопределенную сущность — «то ли казеин, то ли глютен», свойства которой неизвестны, сама она нестабильна, неуловима, но факт остается фактом — без нее не идет ферментация. Пастер начинает серию экспериментов, которые позволяют сущности проявлять себя, а ученому — эти проявления систематизировать, записать «имена действия». В конце драмы на сцене появляется новый актор — молочнокислая бактерия; статус Пастера как актора тоже не остается без изменений — его гипотеза оказалась истинной, конкуренты посрамлены. Человеческий и не-человеческий акторы в результате взаимодействия «перефомулировали» друг друга.

Для научного факта в латуровском рассмотрении такая «карьера» — через проявление устойчивых реакций в результате испытаний — типична. В семиотических терминах мы можем сказать, что актант проходит этапы воплощения, переходя с одного парадигмального уровня на другой, т. е. двигаясь по вертикальной оси уровней значений языка, организованного, по Соссюру, как система. Однако нарративная схема предусматривает, что субъект, располагая модальной предрасположенностью, обретает свой объект, двигаясь от компетенции к свершению, т. е. по синтагматической (горизонтальной) оси. Как показывает Хорстакер, в лаборатории дело обстоит ровно противоположным образом: поначалу в пробирке обнаруживается нечто, что осуществляет некоторое деяние («в его присутствии начинается ферментация»), и лишь потом его субъектность постепенно «затвердевает» и определяется. Сначала фиксируется функция, затем, в ретроспективном порядке, приписывается компетенция.

Почему Латур осуществляет инверсию, нарушая нарративную траекторию, согласно которой «этап компетенции обязательно должен предшествовать этапу свершения» [Мартин & Гринхэм 2010, стр. 114–115]? В силу антиэссенциалистской ориентации: субъектность — результат стабилизации, точка, в которую приходят, но не с которой начинают движение. И только когда сеть, в результате которой актант пришел к определенности, упакуется в черный ящик, то есть депроблематизируется, мы сможем говорить о когерентном акторе и предсказывать его свершения, исходя из «упакованной» компетенции. До этого процесс обратный: от имени действия к имени объекта.

Возвращаясь к теории внутреннего референта, следует указать, что с его помощью Латур получает еще одно средство от контекстуальных объяснений. Что мог бы сказать адепт сильной программы о пастеровском открытии? Он бы привлек такие понятия, как происхождение, образование, историческую

ситуацию конца XIX века и т. д. Не оспаривая истинность привлечения социальных факторов, Латур делает следующий ход: он указывает, что в результате сильная программа произвела бы еще один текст, в котором конкретный исторический Луи Пастер является переключенными персонажем. «Социологи и историки любят помещать тексты, идеи и события в контекст, и этот контекст всегда сделан из переключенных персонажей внутри другого текста. Они могут прибавлять лишь один текст к другому, но не бежать от него. У нас есть доступ к сосуществующим текстам, а не контексту» [Latour 1988a, p. 27].

Именно Латур называет это семиотическим поворотом: об отправителе высказывания нельзя ничего сказать, кроме как в рамках высказывания, где отправитель становится переключенным персонажем. Отсюда следует вывод, что нет разницы между содержанием и контекстом — между экстерналистской и интерналистской социологиями (в терминах Жоржа Кангилема), поскольку обе имеют дело с дискурсом. Отсюда следует, что говорить о «прагматическом контексте высказывания» — бессмыслица, схожая с утверждением, что есть «движение вообще», без спецификации его координат. Иными словами, говорить о внешнем референте, как о чем-то, что существует, но не включено в цепь трансляции, медиации, перевода, не имеет смысла — это бесполезная абстракция. Как тогда установить, кто ближе к истине? Лишь проанализировав аккуратность конструирования внутреннего референта. Подразумевается, что латуровская версия точнее и аккуратнее версии, условно говоря, Дэвида Блура, только в силу щепетильной наладки сети, по которой циркулирует значение. Она не более научна, она более кропотливо сработана. Все тексты — это только тексты, но некоторые устроены так, что в них максимально точно загружен мир, элементы которого уравновешены реляционной онтологией.

Заключение

Мы ставили задачей показать в историко-теоретической перспективе, каким образом Латур решает задачу установить симметрию отношений между обществом и природой в рамках STS. Мы видим, что для этого он постепенно распространяет ESP-арсенал, задуманный как аппарат для анализа организация значения в текстах, на широкую нетекстуальную реальность.

На первом этапе («Лабораторная жизнь») семиотические различения служат исследователю инструментом, позволяющим рассматривать любые научные тексты как «просто тексты»,

в которых происходит смена модализаций, выстраиваются анафоризации и т. п. Однако постепенно амбиции нарастают («Микробы: война и мир, а также Ирредукции»). Установка на агностицизм и принцип генерализованной симметрии концептуализируются через греймасовское понятие актанта, который определяется через компетенцию и свершения в результате испытаний. При этом требование «использовать лексикон актантов» реализуется средствами, которые ESP использует для анализа в языке субстанции и формы содержания. Таким образом, семиотика оказывается в руках Латура оружием, позволяющим бить и по социологизму, и по натурализму. Но и сама семиотика не остается непроблематизированной: Латур стирает грань между буквальным и метафорическим, и в результате сталкивается с проблемой условий объективности научного текста, отвергая корреспондентскую теорию истины и отказываясь рассматривать истину как дискурсивный эффект (ESP) или результат конвенции (SSK).

Ответ находится вновь с помощью семиотического инструментария, специфически примененного к концепции делегирования («Надежда Пандоры»). Разрыв между вещью и ее репрезентацией заполняется с помощью кропотливо выстроенной цепочки референции. При этом сама реальность «как таковая» недоступна (по Греймасу — «вне реальности нет спасения»). Точнее, сам вопрос о доступе к ней «как к таковой» не имеет смысла: в соответствии с семиотическим пониманием, необходимо рассматривать полюса природы, общества и междуположенное царство знаков как единую цепь — и только в таком качестве она может пониматься как «объективная».

Мы видим, что специфика латуровского решения соотношения между природой и обществом в рамках STS не сводится ни к завышению роли материальных оснований общественной жизни, ни к установлению симметрии между материальным и символическим, понятым как социальный, порядками. Данное соотношение концептуализируется при помощи структуралистской семиотики, понятной в «неортодоксальном» ключе. Научное знание, т. е. мост между обществом и природой, возможно и объективно, если оно сумело произвести «неизменную мобильность» — циркулирующий референт, который сохраняет содержание при трансформации формы, циркулируя по цепи гетерогенных делегирующих и делегированных (включенных и переключенных) акторов/актантов. Таким образом, Латур делает шаг к онтологизации греймасовской модель референции, которая позволит в дальнейшем распространить ее на различные регионы человеческой деятельности.

Библиография

1. *Астахов С. (2012), Теория «гибридов» и поворот к онтологии в «исследованиях науки и технологии». М.: МГУ.*
2. *Вахштайн В. (2005), Возвращение материального. «Пространства», «сети», «потоки» в акторно-сетевой теории // Социологическое обозрение, Том 4. № 1*
3. *Вахштайн В. (2006), Социология вещей и «поворот к материальному» в социальной теории // Социология вещей. М.: ИД «Территория будущего».*
4. *Вахштайн В. (2011), Социология повседневности и теория фреймов. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге.*
5. *Волков В., Хархордин О. (2008), Латур: практики и сети // Теория практик. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге.*
6. *Гарфинкель Г. (2003), Что такое этнометодология? // Социологическое обозрение. Том 3. № 4.*
7. *Греймас А.-Ж. (2000), Размышления об актантных моделях // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. М.: ИГ Прогресс.*
8. *Греймас А.-Ж., Курте Ж. (1983), Семиотика. Объяснительный словарь теории языка // Семиотика. М.: Радуга.*
9. *Кузнецов А. (2013), «Парадигма Латура»: история одного предательства социального конструктивизма в исследованиях науки и технологий // Векторы развития современной России: границы в социальных науках. Материалы XI Международной научно-практической конференции. М.: МВШСЭН.*
10. *Латур Б. (2013), Наука в действии. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге.*
11. *Мартин Б., Рингхэм Ф. (2010), Словарь семиотики. М.: Книжный дом «Либроком».*
12. *Можейко М. (1998) Экзегетика // Новейший философский словарь. Мн.: Изд. В. М. Скакун. URL: http://dic.academic.ru/contents. nsf/dic_new_philosophy/(дата обращения 13.08.2013)*
13. *Bastide F., Latour B. (1983), Essai de Science-Fabrication // Etudes Françaises, № 2.*
14. *Boudourides M. (2009), The Relational Ontology of Social Network Theories. URL: http://www.academia.edu/2 889 848/The_Relational_Ontology_of_Social_Network_Theories (дата обращения 23.08.2013).*
15. *Callon M. (1986), Some Elements of a Sociology of Translation: Domestication of the Scallops and the Fishermen of Saint Brieuc Bay // Power, Action and Belief: a new Sociology of Knowledge? Sociological Review Monograph. London.*
16. *Fabbri P., Latour B. (1977), Pouvoir et devoir dans un article de science exacte // Actes de la Recherche en Sciences Sociales, № 13*
17. *Greimas A.-J. (1985), The Love-Life of the Hippopotamus: A Seminar with A. J. Greimas // On Signs. Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press.*
18. *Greimas A.-J. (1989), The Veridiction Contract // New Literary History, Vol. 20. № 3.*
19. *Haraway D. (2003), The Companion Species Manifesto: Dogs, People, and SignificACT Otherness. Chicago: Prickly Paradigm Press.*
20. *Hostaker R. (2005), Latour — Semiotics and Science Studies // Science Studies, Vol. 18. № 2*
21. *Latour B & Woolgar B. (1986), Laboratory life: The Construction of Scientific Facts. Princeton University Press.*

22. *Latour B. (1988a), A Relativist Account of Einstein's Relativity application/pdf icon 1988 In Social Studies of Science, Vol. 18.*
23. *Latour B. (1988b), The Pasteurization of France. Harvard University Press, Cambridge Mass., USA.*
24. *Latour B. (1993), Pasteur on lactic acid yeast. A partial semiotic analysis application // Configurations, № 1.*
25. *Latour B. (1999a), Pandora's Hope: Essays on the Reality of Science Studies. Cambridge, Mass. & London: Harvard University Press.*
26. *Latour B. (2012), Biography of an Investigation: On a Book about Modes of Existence. URL: http://www.bruno-latour.fr/sites/default/files/126-KARSENTI-AIME-BIO-GB..pdf (дата обращения 10.08.2013).*
27. *Latour B. (2013), An Inquiry Into Modes of Existence. Harvard University Press, Cambridge, Mass.*
28. *Law J. (2008), Actor-network theory and material semiotics // The New Blackwell Companion to Social Theory. Oxford: Blackwell.*
29. *Lenoir T. (1994), Was That Last Turn a Right Turn? The Semiotic Turn and A. J. Greimas // Configurations, № 2.*
30. *Smith C. (2008), Where Constant Experiments Have Been Provided. A Conversation with Bruno Latour // Arch Literary Journal. № 2. URL: http://www.artsci.wustl.edu/~archword/interviews/latour/interview. htm (дата обращения 10.08.2013).*